

портреты

ПОВЕНЧАННЫЙ СО СКУЛЬПТУРОЙ

Российский журнал “Огонек” написал о нем: “... всю жизнь ваял своих современников”. И это действительно так, большая часть работ скульптора Шапиро лепилась “с живой натуры”. Композиторы Д. Шостакович и А. Новиков, поэты П. Антокольский и А. Вознесенский, художник И. Глазунов, оперный певец И. Козловский, музыкант М. Ростропович, академик А. Яковлев, космонавт В. Лебедев, шахматист А. Карпов, фигуристка И. Роднина, маршал Г. Жуков, бывший мэр Москвы Г. Попов, видные американские политики Роберт Макнамара, Конни Марелла и многие другие позировали ему. Неистощимая наблюдательность и проницательность помогли скульптору Шапиро не повторяться и находить новые решения, идущие не от внешних признаков, а от внутреннего содержания позировавших ему людей.

Ему удалось осуществить множество замыслов, создать более 500 скульптур, большинство из которых живут, как и положено взрослым детям, своей отдельной жизнью. Последней Петиной мечтой была мечта — поехать в Москву, “... проведать старые московские работы... Я спрашиваю себя: как они там без меня? Может, подросли?” Еще он хотел навестить “старых московских друзей... Да просто пройти по Старому Арбату”.

Не довелось. В январе этого года ему исполнилось бы семьдесят два. Но неизлечимая болезнь увела Петю в мир иной. И мы решили в день рождения скульптора собрать у “нашего камина” его друзей, чтобы рассказать читателям о его непростой, но, как он сам считал, счастливой жизни, которую всю он отдавал искусству и людям.

В октябре 2003 года наш журнал рассказал о скульпторе Петре Ефимовиче Шапиро, академике Всемирной Академии искусства и науки, члене Национального общества скульптуры, члене Союза художников России, организаторе и держателе, как мы и в шутку, и всерьез, говорили о нем, “московской ячейки Большого Вашингтона”... А зимой прошлого года мы отмечали его 50-летний творческий юбилей, который он сам назвал “золотой свадьбой, потому что прожил со скульптурой долгую, трудную, порой по сумасшедшему бурную, но счастливую жизнь”.

Академик Александр Яковлев:

— У Пети была удивительная способность так оживать камень, гипс, цемент, что со вновь родившимися хотелось поздороваться и поговорить. В скорбных и задумчивых лицах своих современников я вижу как бы разлом миров, разделяющих живых и ушедших от нас. Но все они — человечество — счастливое, мудрое и печальное. Из всех встреч с Петей мне вспоминается одна на какой-то демократической тусовке. Наши единомышленники говорили о замечательных вещах, которые надо бы претворить в жизнь, нам всем этого очень хотелось. Не было мест в зале, я сидел с краю, и Петя присел рядом на ступеньку — это важная деталь, характеризующая его, как человека: он никогда не выпячивался. Он терзался вопросом: получится ли? Терзался он не зря. Теперь можно подвести итог: не получилось. Мечты истинных демократов в России не сбылись. Петя оказался провидцем, он уже тогда предчувствовал этот исход. Я не могу говорить о нем в прошедшем времени. Не верю, что его с нами больше нет.

Елена Боннэр, вдова академика Сахарова:

— Я видела его всего один раз в жизни, когда мы с сыном приехали к нему забирать портрет Андрея Дмитриевича. Петр выполнил его с глубокой душевной отдачей. Правда, я не совсем согласна с тем, что он показал Сахарова лишь с одной стороны — только с болью, и осознающим весь трагизм ситуации... Эти руки, об-

хватывающие голову... Андрей Дмитриевич всегда говорил, что жизнь прекрасна и трагична. Заметьте, “трагична” во вторую очередь, а в первую, все-таки, “прекрасна”. Я думаю, что скульптор через Сахарова показал в этом портрете больше свое видение происходящего в мире. Но я привыкла к этому портрету...

Давний, по другому, наверное, и не скажешь, друг Пети и его жены Анжелы — народная артистка РСФСР Наталия Фатеева, услышав имя Петра Шапиро, не задумываясь ни на минуту, назвала их просто любимыми людьми:

— Знаете, сколько лет мы знаем друг друга? Сорок пять! Знакомых у меня всегда было много, а вот таких родных, сердечных и милосердных, как Петя и Анжела, в моей жизни больше не встретилось. Мы проводили вместе много времени, иногда засиживались до утра в Петинной московской мастерской. У нас были очень доверительные отношения. Их отъезд в Америку меня, прямо скажу, омрачил. Но мы не потерялись. Мы часто звонили друг другу, не взирая на часовые пояса и разделяющие нас огромное расстояние и океан. Теперь же Петя там, куда позвонить невозможно. Но я считаю, что все наши любимые живут с нами до тех пор, пока мы сами живы. И потому Петя всегда будет рядом с нами. Ну, если кто забудет, то его скульптуры напомнят о нем. Великий талант Пети, выраженный в камне, гипсе, бронзе, останется потомкам навсегда.

Урмас Отт, популярный телеведущий, прославивший за творником, кто даже Рождество и Новый год встречает в полном одиночестве — смотрит “Щелкунчик” и слушает Верди, потягивая из фужера “Дом Периньон”, немедленно откликнулся на мое приглашение к разговору о Петре Шапиро. И вот почему...

— Петя для меня космический человек... Я вспоминаю мою передачу с ним, и ясно вижу его выразительнейшие глаза, глубокий вдумчивый взгляд... Я уверен, Петя был послан какими-то высшими силами разума на землю и неспроста. В 88 году Марина Мигуля (вдова композитора Владимира Мигули, прим. Ел.Дж.) познакомила меня с Петей и его замечательным другом и женой Анжелой. Я, признаюсь, принял предложение — поехать к нему в мастерскую — с осторожностью, но, увидев его, я сразу почувствовал себя очень хорошо и уютно рядом с ним. Все мои сомнения вмиг растворились. Наша встреча с ним была судьбоносной. Петя стал для меня каким-то московским Кремлем, Университетом московской политической жизни... Мы с жаром обсуждали каждую новость, Анжела читала нам вслух газеты, статья тут же комментировалась, объяснялось: кто есть, кто... и сразу все становилось понятным. В его мастерской собирались все знаменитости... Это были лучшие годы.

Я знаю, что Вы в своей толстой книге “Playback” (“Воспроизведение”) писали и о Петре Шапиро.

— Да, что я... Петина жизнь достойна целого романа. Известный режиссер Савва Кулиш в фильме “Железный занавес”, рассказывая свою историю, показал и жизнь Пети и его семьи. В послевоенные годы они были соседями по коммуналке и, действительно, жили тогда “просто, весело и ужасно”. Мне вспомнилось сейчас, как Петя учил меня пользоваться видеокамерой. В то время камера в доме была большой редкостью, я только приобрел, а Петя имел ее давно и показывал мне, как она работает. Петинной видеокамерой

были сняты драгоценные видеоматериалы, запечатлевшие многие уникальные встречи в его мастерской и то наше незабываемое время. Каждая новая Петина работа прежде показывалась нам — посетителям его мастерской. Все это Анжела и Петя тщательно записывали на видеопленку. Те кадры бесценны, я надеюсь, что они не потеряются.

Петя всегда все делал для всех, и ничего для себя. Он — уникальный человек, который жил с определенной миссией на земле, и его коллекция людей тому свидетельство. Обо мне же он заботился по-отечески. Я всегда это ощущал. Не зря он называл меня в шутку “сыном от второго брака”, хотя в его жизни был первый и единственный брак. Они с Анжелой, как мне кажется, не разлучались ни на один день...

Живя в Америке, Петр Ефимович сумел очень быстро собрать и “американскую коллекцию людей”. Его маленькая квартирка всегда была полна гостей. Он умел не только лепить людей и их портреты, он умел склеивать нас вместе — слепить так, что не разорвешь. Он говорил мне, что “завещает нам дружбу”, и я надеюсь, что созданная им “московская ячейка Большого Вашингтона” не распадется. И тому есть прямые доказательства.

Народный артист Грузии Борис Казинец в своем театре с непрофессиональными актерами совсем недавно поставил совершенно профессиональный спектакль “Поминальная молитва” Шолом Алейхема по сценарию Григория Горина. Премьера этой постановки прошла при полных аншлагах, с присутствием заядлых театралов и была посвящена скульптору Петру Шапиро.

— Думаю, меня не станут спрашивать, почему этот спектакль мы посвятили Пете, если читатели вашего журнала узнают, что в зале “присутствовал” и сам Шолом Алейхем в виде барельефа, выполненного скульптором Шапиро, бронзовая копия которого украшает одно из зданий в Нью-Йорке в Манхэттэне на Sholom Aleichem Place. На премьеру спектакля пришли все друзья скульптора, вдова и племянник Сергей Шапиро, который живет в Нью-Йорке. Вот такая вот простая связь кроется тут.

Я знал о скульпторе Шапиро еще живя в Тбилиси, но познакомился с ним в Америке. Оказалось, что его золотые руки и его скульптуры здесь тоже нужны. И мои спектакли нужны. Нам с Петей поздно было перестраиваться и заниматься американской культурой. Хоть и говорят, что в карете прошлого далеко не уедешь, но мы все сидим в этой карете и пересаживаться нам уже не с руки. Здесь Петя поработал со многими выдающимися американцами и создал целую галерею их скульптурных портретов. Я рад, что в Америке его работы оценили по достоинству. В Советском Союзе скульптора Шапиро не славили лишь потому, как сказал писатель Распутин (Господь ему судья!), что “фамилия скульптора” им “не подходила”. Но меня больше вдохновляет колоритный портрет Людвиг Ван Бетховена, выполненный скульптором Шапиро, нежели безликая скульптура Николая Гоголя, работы Томского, на Гоголевском бульваре в Москве.

Джон Х. Проктор, доктор наук, академик, в прошлом президент Вашингтонской Академии наук и Генеральный секретарь Всемирной академии искусства и науки, ныне иностранный член Российской академии наук, до-

вольно быстро подружился с Петром Шапиро и часто встречался с ним. Петя же безумно любил его и за то, что мог общаться с ним “по-русски”.

— Он был моим другом более десяти лет и всегда им останется. Мы — он, Анжела, моя жена Катя и я, провели вместе много времени, часто встречались у него дома, в окружении репродукций скульптурных портретов, созданных им в течение 50-ти лет его творческой деятельности. Я помню, как он все говорил, что совсем не знает английский, и потому просил, чтобы я выучил русский. На самом деле, у нас никогда не было проблем в общении — мы разговаривали сердцами. Петр получил широкое признание, как в России, так и в Соединенных Штатах: наряду с галереями и организациями, к нему обращались с заказами и мировые лидеры. Всемирная Академия искусства и науки присвоила ему звание академика. Он разделил свой дар жизни со многими.

Можно прямо сказать, что русская община Большого Вашингтона без Пети осиротела. Нам всем очень не хватает его своеобразного юмора и горячих идей. Петру Ефимовичу можно было позвонить в любое время дня и ночи и получить до абсурда краткий, но абсолютно точный ответ на любой жизненный вопрос. Он давал совершенно точное, пусть и не всегда красиво сформулированное, определение той или другой вещи, либо ситуации. В его очень простом “доме-мастерской” мы собирались, чтобы поговорить “по душам” и посидеть за бесхитростно накрытым столом, где королевским блюдом для всех нас была селедка с картошкой. Приехать в дом Пети можно и сейчас, и я уверена, его жена Анжела будет всем нам рада и, как прежде, радушно накроет стол... Только сядем мы за него уже без Пети. Нет там и его скульптур — его “детей”, как ласково называл он свои работы. Все они, выстроившись в ряд, как верные стражи, стояли на балконе зимой и летом, то, покрываясь снегом, то, изнывая от жары. Теперь они разъехались: как и полагается в таких случаях, скульптурных “детей” Шапиро “усыновили” верные его друзья. Наступит день, когда все они соберутся вместе в каком-нибудь солидном зале и расскажут потомкам о жизни их создателя.

Елена ДЖАМБЕР

**Петр Шапиро на
открытии памятника
академику А.Д.Сахарову
у “Русского Дома” в
Вашингтоне в 2002 году**

**ПОСМОТРЕТЬ РАБОТЫ
СКУЛЬПТОРА МОЖНО НА САЙТЕ:
WWW.PETER-SHAPIRO.COM**